

ВЛАДИМИР ВИАРДО: *Культурга. — 1998. — 22-28 окт. — с. 13.*

Справляться о здоровье вашей собачки? Это не для меня!

ретают новую специальность — "конкурсант".

Публика

Они вскакивают, кричат "браво!" и аплодируют только потому, что заплатили деньги за свой визит на концерт. Конечно, не везде так: в странах третьего мира, например, внимательно слушают и долго помнят — они еще не отравлены американизацией. Японцы очень странные: воспитываются на одних и тех же примерах. Все время классика звучит по радио, по телевидению. Я как-то сделал очень интересный подсчет: минимум 6 раз, а максимум — до 40 раз в день они передают Первый концерт Чайковского и Второй концерт Рахманинова. Это, конечно, замечательная музыка, но... По моему, в этом есть какая-то детскость: ведь дети едят то, что они привыкли есть.

Один вьетнамский пианист, который учился в Москве, рассказывал мне, что японская публика не прощает ни одной фальшивой ноты. Я как-то был на его концерте: он играл пластично, аккуратно, но температура его выступления была где-то 32 градуса по Цельсию — настоящий труп. Я его тогда и спросил, как же так можно, без эмоций, а он объяснил, что в Японии, где он долго жил и работал, одна неверно взятая нота равна окончанию карьеры. Так о чем должен думать художник? О том, чтобы не сыграть фальшиво! Видимо, это результат усовершенствования техники. Люди привыкли слушать компакт-диски, и какой-нибудь идиот без образования платит деньги, чтобы в концерте получить точную копию того, что он слышит у себя дома на CD, но в живом виде, а заодно и показать свое платье. Все меньше и меньше людей, которые готовы заплатить деньги, да еще соперничать! Интересный нюанс: сейчас при заполнении документов на выезд или въезд в страну в графе "специальность" пишут entertainer, то есть по-нашему — "развлекатель"! В журналах в рубрике "музыка" будет непременно информация о рапе. Иногда вы встретите графу под названием classical — это не музыка, это нечто застывшее, неживое. Я считаю, что задача тех людей, которые не сдались, — быть живыми, рисковать и сохранять вот этот наш русский идеализм.

Репертуар

Я играю только то, в чем для меня есть содержание. О пристрастиях мне сложно говорить. Как-то года два сидел на "бетховенской диете": мало его играл, и нужно было наверстывать. А есть такие вещи, которые всегда со мной: например французские, — очень люблю Дебюсси, всегда есть настроение играть Шуберта. Решил сделать русский репертуар, влез в совершенно неспешного композитора Николая Метнера: чем ближе к нему подходишь, тем невозможнее от него отойти. Если в первый день тебе вроде бы все понятно, то на второй у тебя отвисает челюсть, а на третий ты начинаешь плакать. У меня все студенты играют его сочинения, и на Западе вообще значительно возрос интерес к его творчеству.

Что касается современных композиторов, то я пока не вижу нового языка: многие придумали свой способ изъясняться, но их язык не идет изнутри, поэтому музыка их пуста. Язык должен вытолкнуться от распирающего тебя сопереживания. Тем не менее есть и то, что мне нравится. Для меня главное, чтобы было видно, как, из чего развилась эта музыка, пусть даже она и отрицает то, откуда пошла. Я называю это прозрачностью. Играю Мессиана, Пендерецкого, из российских композиторов мне нравятся Владимир Рябов, Михаил Коллонтай. Три года назад я записал на компакт концерт Алемдара Караманова. Он владеет всеми возможными композиторскими техниками, но сквозь все техники просматриваются Рахманинов и Чайковский — страдающая душа.

Я пытаюсь хитро составлять программы — ведь обычно просят играть определенный набор сочинений. Если, предположим, исполняю Шуберта, беру его песни в переложении Листа, а если играю органные хоралы Франка, то в собственной транскрипции для рояля. Люди наслаждаются мелодичной, романтической музыкой, но я обязательно что-нибудь подсуно в такую программу, например Вторую сонату Шостаковича. Просто мне всегда хочется поделиться тем, что леность не дает другим людям узнать.

Что касается концертов, мне хотелось бы иметь их больше, но главное — более равномерно их распределить. В принципе у меня ситуация намного более благополучная, чем у многих моих коллег: сейчас план у меня расписан на год вперед. За последние три месяца я был два раза в Португалии, был в Бразилии, Франции, в Штатах, в России. До конца года у меня два выступления в Канаде, в Польше, еще где-то в США, потом опять приеду сюда. Но так бывает не всегда, потому что я не имею привычки стоять в очереди к дирижерам, чтобы справиться о здоровье их собачки. В России собираюсь играть в каждый свой приезд, но не всегда в Москве: не хочу надоедать столичной публике, буду выступать и в других городах.

Записала
Анна ВЕТХОВА

Владимир Виардо вот уже десять лет живет и работает в США. Его исполнительская карьера в России была стремительной и блестящей. Получив Гран-при на Международном конкурсе М. Лонг и Ж. Тибо в Париже, а затем первую премию и специальные призы Международного конкурса пианистов Вэна Клайберна в Форт-Уорте, он более чем ярко заявил о себе. Затем были годы профессорства в Московской консерватории и исполнительская деятельность в качестве солиста Московской филармонии, а потом, с 1988 года, — Америка, где он и по сей день занимает должность постоянного приглашенного артиста на музыкальном факультете Университета Северного Техаса. Это — факты биографии. То, что скрывается за ними, я попыталась выяснить у самого пианиста. Разговор наш сложился довольно необычно: говорили мы не только и не столько об исполнительстве, сколько о разнице культур и об особенностях восприятия музыки современным слушателем — западным и российским. Предлагаю вам вылившийся из нашей беседы монолог Владимира Виардо, его рассуждения о том, какой он видит свою исполнительскую судьбу до и после отъезда за рубеж, каким он видит мир искусства здесь, в России, и там, в Америке и Европе.

Начало

Я родился на Кавказе, потом переехал на Украину, к родственникам. Когда мне исполнилось 14 лет, мама, поверив в мои музыкальные способности, отправила меня в Москву. Там мне повезло попасть в семью Наумовых: у Ирины Ивановны я окончил Гнесинское училище, а затем поступил в консерваторию ко Льву Николаевичу. После победы на конкурсах все в плане карьеры шло хорошо, но с расширением круга знакомств на Западе я обратил на себя внимание наших "органов", и меня в течение 13 лет держали в невыездных. Я сейчас даже рад в какой-то мере этому обстоятельству. Помню, что давление в послеконкурсные годы было довольно сильным: я должен был всюду катать одну и ту же программу, в то время как требовалось совершенствовать свое мастерство. Я стал наращивать репертуар, и если до того, как стал "невыездным", играл семь фортепианных концертов, то сразу после — уже тридцать. Моя концертная жизнь не прекратилась, напротив, стала очень интенсивной. Я мог свободно выбирать города, естественно, в пределах СССР, в которых хотел выступать, работать с прекрасными коллективами и дирижерами. Около 13 лет я был профессором Московской консерватории и солистом филармонии. Конечно, все было не безоблачно, и я прекрасно помню ту горечь и ощущение бессилия, которые возникали при контактах с властями. Но, несмотря на то что мы жили по правилам театра абсурда, я сегодня не испытываю злости к тому времени: как роженица забывает про боль и радуется ребенку, так и я радуюсь жизни и просто помню, что боль была.

Отъезд

Когда еще не было ясно, как сложится ситуация в России, в 1988 — 89 годах, благодаря содействию моих друзей, я получил несколько приглашений из американских университетов работать у них по контракту. Я понял, что это замечательный "крючок", и ухватился за него. Тогда уже чувствовались новые веяния в России и можно было, совершив определенное усилие, пробить "брешь". У меня не было мысли остаться в Америке и до сих пор ее нет, но тогда мне нужно было компенсировать годы "отсидки" здесь и глотнуть, как мне тогда казалось, кислорода (на самом деле я в то время на этот счет не много заблуждался). Отъезд было условно, был безденежный. Но в тайне я, конечно, надеялся, что все изменится, что в конце концов и произошло.

Поразмыслив, я принял приглашение Техасского университета. По условиям контракта мне предоставлялась полная свобода, впрочем, я и сейчас волен выбирать себе такой график работы, какой мне удобен. Кроме того, рядом был Клайберн, а я все-таки начинал на его конкурсе. В общем, решил, что это хорошая почва для того, чтобы посадить растения. Правда, теперь я понимаю, что там в почве преобладают

нас когда-то, уровень среднего образования специально занижен, чтобы олигофренам было легко сидеть рядом с гениями. Можно восполнить пробелы, если появится потом желание, в университете, но ведь золотое время уходит. А в странах третьего мира еще сохранилась старая система образования. В Южной Африке, например. Там журналисты, с которыми я общался, знают латынь, древнегреческий. То же в Португалии, в Италии, гораздо реже во Франции. Германия держится за счет драконовских мер, направленных против иностранцев. А в Америке интервьюер может спросить, как по буквам пишется слово Моцарт.

Во многих странах на Западе довольно скучно, но, с другой стороны, человеческая жизнь приобретает самоценный смысл — это то новое и хорошее, что я там открыл для себя. Могу пригласить к себе очень старых наших эмигрантов, и мы с упоением поговорим о рыбалке, готовке, вине... Здесь, в России, это кажется мелким, а там становится очень важным.

В Штатах студенческая и профессорская среда в большинстве своем ненавидит все, что выше их уровня. Люди живут бок о бок и ничего друг о друге не знают, потому что не высовываются, боятся показать, что знают больше других. Это самая настоящая война с интеллигентией. Олег Крыса, например, лет пять не мог устроиться куда-нибудь преподавать, потому что представлял честное резюме о том, чем занимался, — писал все подробно, на таких длинных "простынях". А ответы ему приходили с резолюцией "переквалифицирован", в смысле — слишком хорошо. У нас в стране позиция иная: если ты хорош, дай мне побыть около тебя, может, и я лучше стану. Для них же твои профессионализм и неординарность — вроде угрозы. Интересно, что, как только Олег сократил свое резюме до маленького абзаца, ему пришел положительный ответ.

Назад, в Россию

Вот 10 лет спустя я решил, что мое материальное положение позволяет мне оплачивать приезд в Россию. Я как бы выкупаю свою душу: эти консерваторские стены намолены, когда я вступаю сюда, сердце бьется иначе. Решил взять в консерватории маленький класс. К счастью, политика консерватории стала более разумной и позволяет совмещать преподавание здесь и за рубежом. Понятно, что многие наши профессора стремятся уехать, потому что здесь голодно. Но все-таки все мы скучаем по идеализму, который в мире исчезает, а в России — сконцентрирован. Я буду бывать здесь наездами (мне ведь полагаются ассистент) — в Москве я чувствую себя опять дома, а это очень важно. Мне кажется, что даже мои требования к себе повышаются оттого, что я здесь.

Лев Николаевич Наумов как-то, беседуя со мной, посетовал на то, что в России сейчас идет процесс материализации, что все смотрят на Запад. Конечно, появилась масса вещей, например те же компьютеры, с помощью которых люди имеют возможность "выпрыгнуть вверх". Но, с другой стороны, думаю, что духовные потребности в России не стали меньше. Люди стоят в очереди на выставки малоизвестных художников, как стояли когда-то, чтобы увидеть "Джоконду", в театрах идет масса спектаклей... Наверное, вырос интерес восприятия. А настоящей интеллигентии и духовных искателей всегда было мало. Должна же быть какая-то элитарность.

Находясь здесь, в России, я подметил одну, на мой взгляд, интересную деталь: вот, например, по телевизору показывают и полный абсурд, и еще Бог знает что, но каждый из тех, кто выступает, я имею в виду обычных людей — клерков и правителей, — каждый из них, говоря о чем-то, обязательно пытается сделать обобщение, пытается быть философом. Это и хорошо, и плохо. Интересно такое мышление: для русского

человека не существует просто предмета, чистой конкретики, как у человека западного, он всегда говорит о чем-то большем — предмет в нашем сознании как бы обобщает сам себя.

Учителя и ученики

Русский тип обучения в основном семейственный. Я попал к Наумовым, и до сих пор их семья — это моя семья, и наоборот. Я не знаю, каким бы стал музыкантом, если бы не учился у них. Льва Николаевича я считаю одним из последних музыкантов-гениев. Я так же старался воспитывать и своих учеников, и даже, когда уехал, с моей мамой несколько лет жили мои студенты, но потом они тоже разъехались. Тем не менее мы поддерживаем связь, и я уверен, что так будет всегда.

Эту систему семейственности, кстати, я распространил и на Америку. У меня интернациональный класс, студенты живут в моем доме, многим из них я все оплачиваю при условии, что они занимаются. Я даже занялся организацией фондов — их у меня три. Эти фонды помогают студентам жить, участвовать в конкурсах. Очень много добрых людей в США, и они дают деньги тем учебным заведениям, которые сами окончили. Некоторые, конечно, делают это не по доброте душевной, а просто не желая платить большие налоги. И чтобы получить деньги у них, нужно очень постараться. Это целая индустрия. Я нанимаю специального человека, который пишет так называемые гранты, убеждаю людей в том, что они должны мне эти деньги дать. Распределяю полученные суммы далеко не демократическим путем, потому что каждая семья находится в разном финансовом положении: кто-то может платить за обучение, кто-то нет. Если человек очень талантлив, он получит больше. В России, конечно, мне не приходилось этим заниматься. Не было альтернативы — или самому обеспечивать существование студентов, или брать богатых и бедняков. Когда-то давно американские социологи сделали вывод, что только в экстремальных условиях человек может добиться наилучших результатов. Если бы Шуберт вел здоровый американский образ жизни, он написал бы хоть одно великое произведение? Конечно, нет! Он должен был быть бедным и больным. А сумасшедший, дурно пахнущий, гниющий заживо Бетховен, создающий какие-то глобальные вещи? Я не представляю, чтобы он ездил на "мерседесе".

Дети

У меня два сына. Старший, ему сейчас 21 год, начинал заниматься в Гнесинке, затем, когда мы приехали в Штаты, поступил в Джульярд. Он играл лучше, чем многие там, играл концерты с оркестром. Из Джульярда я его забрал тут же, потому что он попал к совершенно бездарному педагогу. Он продолжал заниматься, играл какие-то концерты, да и до сих пор может сыграть. Но поскольку я все время в разъездах, то упустил какой-то важный момент в воспитании: телевизор его отравил или среда, в которой он вращается, друзья, у которых другие ценности, — он как-то американизировался, хотя дома я говорю только по-русски и всячески пропагандирую русскую культуру. Мои сыновья — хорошие русские мальчишки, но пока я что-то не вижу, чтобы у них были какие-то идеалы. Остается надежда на университет. В процессе обучения обычно происходит скачок. В университетах все-таки собираются довольно "лихие" люди, которые действительно хотят учиться и платить за свое обучение.

Младший сын, ему 14 лет, серьезнее, он тоже играет, знает музыку. Но я решил не навязывать ему своей воли. Не стоит моим детям так же драться за существование, как всем студентам-музыкантам. Концертов нет, исполнители кончатся конкурс на конкурс, зарабатывая этим себе на жизнь. В итоге получается какой-то конвейер, а музыканты приоб-